

Мин Джун начал лихорадочно размышлять. Как ни крути, но перед ним всё-таки якудза. Сейчас они могут говорить одно, но если однажды им наскучит с ним возиться, его просто выкинут, как старую игрушку, а может, и вовсе исчезнет без следа, разрезанный на куски. Он осторожно поднял взгляд и украдкой посмотрел на мужчину.

И тут же их взгляды встретились. Мужчина смотрел прямо на него, и Мин Джун ощутил, как его сердце вот-вот разорвётся, а силы покидают тело.

"Ладно, раз уж я родился геем, придётся играть по своим правилам. План прост: сначала просто поддамся этому чертовски сексуальному мужчине, а там будет видно".

Решившись, Мин Джун собрался с духом и сказал максимально чётким голосом:

— Так что я должен сделать?

— Стать мамой для Тома.

— Что? Вы только что сделали мне предложение?

Закатное солнце красиво играло на теле мужчины, создавая вокруг Мин Джуну тёплую и таинственную атмосферу. Такая сцена идеально подошла бы для романтической кульминации фильма, где двое героев осознают, что нашли свою любовь, и счастливо улыбаются.

Но реальность была куда прозаичнее. Холодное дуло пистолета упёрлось Мин Джуну в затылок с такой силой, что его голова заметно наклонилась вбок.

— По-по-погодите, зачем вы так?!

Мин Джун, не обращая внимания на закат и атмосферу, вскинул руки вверх и отчаянно замахал ими.

— Я неправильно понял! У нас в стране фраза "Стань матерью моего ребёнка" обычно используется в романтическом контексте, типа, как предложение. Вот я и запутался! Простите меня, пожалуйста! Это просто культурное недоразумение!

— Уберите.

Одно тяжёлое слово мужчины, и оружие исчезло так быстро, будто его и не было.

— Тома называет тебя мамой. Я не знаю почему, но пока он сам не осознает, что ты не его мама, контракт будет действовать.

— А если... если он так и не осознает?

— Ты же не думаешь, что мой сын будет вечно называть мужчин мамой? Давай установим срок — один год.

Мин Джун всё ещё не мог принять окончательное решение, находясь в шоке от недавнего пистолета у головы. Тогда мужчина нанёс ему решающий удар:

— Люди из Ямамото — это настоящие изверги. Ты случайно не ставил отпечаток пальца на каком-нибудь документе?

— Нет, ничего такого...

Но тут Мин Джун вспомнил, что была одна бумага, которую он даже не успел прочитать. Тайсей торопил его, уверяя, что сам всё уладит, и Мин Джун просто поставил там печать.

— Обычно для финансовых сделок нужен залог. Никто не выдаёт деньги без обеспечения. Но Ямамото почему-то дали тебе деньги без какого-либо залога. Как думаешь, что это значит?

— Может, ты просто скажешь? У меня сейчас нервы на пределе!

Мин Джун молился, чтобы ответ не оказался тем, о чём он уже начал догадываться. Наконец, он тихо спросил:

— Это что, акт отказа от тела?

— В точку. Теперь что будешь делать? Я бы предпочёл быстрее смыть с себя всю эту грязь.

На мгновение Мин Джун почувствовал стыд и унижение от слов про грязные руки, но тут же заметил, как его тело снова начало реагировать на это. Он поджал губы и пробормотал:

— Наймите адвоката, босс.

— Если хочешь, я найму. Только не называй меня боссом. Меня зовут Дайки Джо. Если Тома называет тебя мамой, то разве не логично, чтобы ты звал меня просто Дайки? Мин Джун.

Из его уст неожиданно, без всякой подготовки, вырвалось его имя, и мое тело словно размякло, растаяло. Если бы никого вокруг не было, ему, возможно, захотелось бы умолять: "Пожалуйста, скажите это ещё раз". Голос, которым его назвали, был настолько красивым, что казалось, будто он сам создавался для этого момента.

— Итак, раз уж всё решено...

— Пойдите!

Мин Джун прервал его речь, решительно намереваясь добиться гарантии своей безопасности. Внезапно вокруг поднялся лёгкий шум: якудза, чьё терпение уже было на пределе, посмотрели на Мин Джуну так, словно готовы были разорвать его на части.

"Ну давай же! На что ты рассчитываешь после такого? Сидишь тут и раздумываешь, как последний идиот!"

Все — и лысый, и тот, что был похож на жабу, и якудза с милой, хоть и грубой внешностью — молча кричали в унисон, выражая общее негодование.

Внезапно Мин Джуну охватила обида. Он разрыдался, выплёскивая свои эмоции:

— Я знаю. Я же понимаю, что поступил, как полный идиот, как последняя собака, — такой глупости не простят, даже если я утоплюсь в миске супа... Но всё же...

— Эй.

— Но всё равно, как вы можете так смотреть на меня? Неужели у вас совсем нет сострадания?

— Эй, я сказал!

Голос Дайки, короткий и резкий, обрушился, как гром. Мин Джун обеими руками зажал рот,

его тело задрожало, а из груди вырвались испуганные всхлипы.

Дайки поманил пальцем якудзу, похожего на жабу, и указал на бутылку с водой, стоявшую на столе. Тот, несмотря на свои грубые руки, грациозно налил воду в красивый хрустальный стакан и поставил его перед Мин Джун.

Мин Джун взял стакан обеими руками, словно это был дар судьбы, и жадно отпил, как человек, охваченный безумной жаждой. Он только сейчас осознал, что за весь день не выпил ни капли воды.

— Ну, подпиши уже контракт. Завтра, когда придёт адвокат, заверим его нотариально.

— Хорошо, — Мин Джун энергично кивнул, соглашаясь стать мамой Тома.

Мин Джун бессознательно обнимал что-то маленькое и пушистое, что уютно устроилось у него на груди. Он свернулся в ещё более плотный клубок, наслаждаясь тёплым прикосновением. В этом сне он чувствовал, как улыбка расплывается по его лицу.

"Что это за зверёк? Такой милый запах... У нас в доме вообще были такие животные?"

Мин Джун сильнее притянул к себе это тёплое существо, наслаждаясь его присутствием. Где-то вдалеке послышался звук, начинавшийся с "ма".

"Мама? Да нет, не может же это животное говорить..."

С трудом открыв глаза, Мин Джун посмотрел вперёд и обнаружил прямо перед своим лицом Тому. Тот уютно устроился на его груди, а точнее, практически утонул в складках его одеяла.

— Мама, мама!

Тома прижимался своими пухлыми щёчками к голой коже Мин Джун, с трудом сдерживая радость.

"Точно. Я же вчера подписал контракт стать мамой Тома. Утром это кажется немного безумным... Но какой же он милый! Ладно, пусть будет так. Какая разница — мама или что-то ещё, ведь у меня есть его невероятно обаятельный папа."

Мин Джун обнял Тому, лежащего на нём, так крепко, что казалось, он расплющит его. Затем он поцеловал мальчика в лицо.

— Привет, Тома. Ты хорошо спал?

— Угу. Тома не плакал, хорошо спал, и поэтому мама пришла. Правда ведь, мама?

— Правда? Молодец. Но почему наш Тома так рано встал?

— Рано? Вот стрелка так дойдёт, будем кушать, с папой вместе, а если не поем — ругать будут.

— Понятно. А где длинная стрелка?

— Вот здесь.

Время, на которое указывал Тома, никак не могло быть другим — 6:30. Мин Джун решил, что Тома просто ошибся с часами, и с широкой улыбкой снова попытался его поправить.

— А короткая стрелка, может, вот тут?

Мин Джун показал на цифру 8, надеясь, что хотя бы до этого времени ему удастся поспать.

— Нет, вот тут.

Тома не просто указал пальцем на цифру на циферблате, но и ясно продемонстрировал: правая ладонь полностью раскрыта, а на левой поднят только большой палец. Это явно была цифра 6.

Однако часы показывали 5:50.

Для большинства детей это ещё глубокая ночь. Да и для самого Мин Джуна это было слишком рано. Но встать рано и даже позавтракать — для Тома это было нормой. Мин Джун уже был на грани. С тех пор как он научился считать пальцами, он ни разу в жизни не клал в свой желудок еду в такое время.

"Ладно, раз уж я стал мамой Тома, придётся перевоспитать его и исправить эти нелепые привычки."

Стиснув зубы, Мин Джун обнял Тома и лёг обратно в кровать.

— Тома, а давай немного ещё поспим?

— Нет, папа — лёд смотреть. Пойдём вместе, ты теперь мама Тома, значит, идёшь.

"Лёд? Что за лёд? Что это такое?"

— Тома с папой пойдёт. Вставай!

Тома внезапно вскочил с тела Мин Джуна и, словно радостный ребенок, начал прыгать по кровати, которая была размером с целую спортивную площадку. В пижаме с рисунком коровы Тома выглядел настолько мило, что на него можно было смотреть бесконечно.

"Ну, раз он так радуется, один раз можно встать пораньше," — подумал Мин Джун, поправляя на себе распахнувшееся юката, и, поддавшись на уговоры Тома, поднялся. Они направились к массивной деревянной двери, которая находилась на одной стороне комнаты Тома — комнаты, размером с целый этаж офисного здания. Судя по всему, эта дверь соединяла комнату Тома с комнатой Дайки, так как на ней не было ни ручки, ни замков.

Подтянув волочащийся по полу край юката, Мин Джун остановился перед дверью. Тома, воскликнув "Папа!" с энтузиазмом, толкнул дверь и вошёл внутрь. Мин Джун в тот момент еще не до конца понимал, что происходит. Но увиденное внутри комнаты мгновенно выбило у него почву из-под ног.

Дайки только что вышел из душа. На нем не было ни полотенца, ни какой-либо другой одежды — он просто стоял полностью обнаженный и сушил волосы. Мин Джун прекрасно знал, что в такой ситуации приличное общество велит отвернуться. Но, осознав, кого именно Тома назвал "папой", он замер на месте, совершенно не в силах пошевелиться.

— Папа тигр! — радостно воскликнул Тома, подпрыгнув, как маленький кролик, и тут же, словно коала, обхватил бедро Дайки, издавая довольное рычание.

Мин Джун всегда думал, что татуировки и якудза — это неразделимые понятия. У каждого из них обязательно есть татуировки. Но такого рода татуировок он еще никогда не видел. Обычно он представлял себе спины, покрытые яркими изображениями тигров или драконов.

Татуировка Дайки была совершенно другой. Она начиналась с его крепкого бедра, проходила по мощному бедру и спускалась к икре, которая, казалось, не уступала прочностью железу. На коже был изображён рисунок, напоминающий лапу леопарда, которая оживала при каждом его движении.

Дайки, поглаживая голову Тома, который висел у него на бедре, мягко поприветствовал их:

— Вы хорошо выспались?

— Да! Я спал с мамой, — радостно ответил Тома, — А папа-тигр больше не страшный!

— Тома, может, дашь папе надеть одежду? — раздался непривычно мягкий голос Дайки.

Мин Джун стоял, не в силах даже обернуться, с открытым ртом.

— Не хочу! Тома — тигр! Р-р-р! — прокричал Тома, энергично качая головой и продолжая крепко обнимать бедро Дайки.

Не имея другого выбора, Дайки двинулся в сторону Мин Джуну с Томой, висящим на его бедре. Мин Джун, широко раскрыв глаза, как будто они вот-вот выскочат из орбит, следил за каждым его шагом.

Дайки тоже внимательно смотрел на Мин Джуну. Юката, которая была явно не по размеру, нелепо свисала с его худощавого тела. Легкие, слегка взъерошенные волосы спадали на лицо, что при других обстоятельствах могло бы показаться милым, но Мин Джуну было не до того, чтобы смущаться. Кажется, он уже не дышал больше минуты.

Когда Дайки, наконец, подошёл, он без выражения посмотрел на застывшего Мин Джуну и, взяв халат с ближайшего стула, накинул его на себя. Затем он, казалось, собрался уйти, но Мин Джун, ошеломленный до полусознания, не успел даже развернуться, чтобы выйти из комнаты.

Однако Тома неожиданно схватил его за руку своей маленькой ладошкой и потянул куда-то.

— Попробуй потрогать папу-тигра! Совсем не страшно! — с ангельской улыбкой на лице и искренними глазами предложил Тома.

Прежде чем Мин Джун успел что-либо понять, Тома направил его руку прямо к чуть напряжённому достоинству Дайки и уверенно положил ее туда.

Прошло всего три секунды, но за это время Мин Джун с пугающей четкостью ощутил каждый нюанс того, что попало ему в руку.

— А-а-а-а! — выдохнул он, едва не теряя сознание.

От неожиданности тело Мин Джуну начало заваливаться назад, но сильная рука Дайки обвила его за талию и притянула ближе, прижимая к своей груди. Где-то между ними послышался звонкий смех Тома, заглушенный неловкостью момента.

Дайки чуть наклонился к Мин Джуну.

«Так нельзя... я не могу поцеловать его в таком состоянии... но что же делать? Эх, будь что будет.»

Мин Джун, сам не понимая, что творит, закрыл глаза и слегка наклонил голову. Его лицо оказалось совсем близко к Дайки, настолько, что он чувствовал прохладное дыхание и шепот:

— Убери, наконец, руку.

Мин Джун резко открыл глаза и посмотрел на свою руку. Она, хоть и была уже убрана, снова оказалась там же, когда Дайки подхватил его, не дав упасть.

— Ох, простите! Я... я в полном шоке, даже не заметил...

— У нас осталось 20 минут. В 6:30 жду тебя за столом. Тома, иди умываться.

— Хорошо! Тома слушается папу-тигра. Мама, Тома будет чистить зубы!

Тома, не подозревая, какого шока он причинил Мин Джуну, весело взял его за руку и вывел из комнаты Дайки.

Как он это сделал, неизвестно, но Кэнта появился с идеально белым свитером без бирки и черными брюками, аккуратно сложенными на подносе вместе с небольшой коробкой.

— Это одежда, которую следует носить за обедом с боссом, господин Мин Джун.

Мин Джун поморщился от того, как непривычно звучало обращение «господин Мин Джун», но всё-таки взял одежду и тут же снял юката, чтобы переодеться. Он решил, что, учитывая статус Кэнта, тот вряд ли обращает внимание на такие вещи. Однако Кэнта, заметив это, мгновенно отвернулся, явно смущённый.

— Просто зовите меня Мин Джун или даже Джун. Так будет удобнее. Это «господин» звучит слишком странно.

— Так не пойдёт. Босс велел относиться к вам с почтением, как к маме, а раз Тома называет вас мамой, то иначе и быть не может.

— Понятно... Тома, подожди минутку, мама сейчас поможет тебе одеться.

Словно он всегда был «мамой», Мин Джун уже свободно использовал это слово. Он помог Томе застегнуть молнию на штанишках и одеть рубашку.

— Если вы готовы, пойдёмте к столу? — спросил Кэнта.

— Завтрак обязательно? — зевнув, спросил Мин Джун.

— Да. У босса очень мало времени, и это единственная возможность побыть с Томой.

«Даже якудза обожают своих детей. Ну, в этом нет ничего удивительного — Тома ведь такой милый.»

Мин Джун, всё ещё сонный, посмотрел на Тому, который держал его за руку, и невольно улыбнулся.

Мин Джун мысленно ругался на Дайки.

«Ну конечно, такой человек с утра-то не будет есть мисо-суп с рисом.»

Перед Мин Джуном и Томой был накрыт стол с традиционным японским завтраком: суп, рис, лосось, салат. А Дайки в это время элегантно пил только кофе, держа в руках газету. Исподтишка глядя на Дайки, Мин Джун стиснул зубы и молча ел, запихивая в себя всё подряд.

Тем временем Тома, чуть не плача, смотрел на свою миску, полной риса. Мин Джун заметил его грустное лицо.

— Тома, что случилось?

Тома, бросив взгляд на Дайки, отодвинул миску с рисом в сторону.

— Горький... Тома не любит.

— Правда? Тогда мама поможет тебе.

Услышав это, Тома тут же засиял и радостно закивал. Мин Джун, бросив ещё один быстрый взгляд на Дайки, который продолжал читать газету, начал потихоньку съедать рис Тома.

Завтрак продолжался тихо и спокойно, пока Дайки, сложив газету, не встал и не подошёл к Томе.

— Ты всё съел?

Тома, чувствуя себя немного виноватым из-за того, что часть его еды съел Мин Джун, начал ласково прижиматься к Дайки.

— Да, Тома всё съел. Папа, поцелуй! — сказал он, вытянув губы трубочкой.

Дайки взял Тому на руки, чмокнул его в губы и снова поставил на пол.

— Папа, теперь поцелуй маму! — радостно заявил Тома, тянув за рукав Мин Джуна.

Дайки, исподлобья глядя на Тому, осторожно взял Мин Джуна за руку и поднял с кресла. Его лицо приблизилось к лицу Мин Джуна, и тот почувствовал, как сердце, только начавшее успокаиваться, снова забило в бешеном ритме.

Губы Дайки оказались совсем близко, но вместо поцелуя он тихо сказал:

— Если ты ещё раз съешь еду Тома, я лично подам твой мягкий язык на завтрак.

Сжав пальцами подбородок Мин Джуна, Дайки всё же коротко чмокнул его в губы, что вызвало восторг у Тома, хлопавшего в ладоши.